

Евгения Горская в очередной раз заставляет нас вцепиться в ее новую книгу как в спасательный круг и сломя голову нестись навстречу новой, увлекательной и парадоксальной, развязке!

Казалось бы, практически невозможно написать книгу, которая держит в напряжении от самого начала и до последней страницы. Чтобы действие только нарастало, чтобы петля сюжета затягивалась все туже, чтобы самые сильные эмоции — любовь и ненависть — били через край, а история на каждом витке совершала головокружительный кульбит, переворачивая все действие с ног на голову, заставляя героев искать спасения там, где спасение, кажется, невозможно. Но Евгении Горской это удалось!..

Ее новый детектив будто бы целиком состоит из неожиданных сюжетных поворотов. И на каждом интрига закручивается все сильнее, а ставки становятся все выше, а в самом конце выясняется, что злодей на самом деле... Впрочем, читайте!

Татьяна Устинова

Компьютера, который он искал, в квартире не оказалось. Это было так неожиданно, что он не сразу поверил и ещё какое-то время бродил по комнатам, исследуя уже осмотренные места и даже почти не обращая внимания на то, что может оставить следы. Компьютера не нашёл. Он аккуратно запер за собой дверь сделанными не так давно дубликатами ключей и медленно спустился по лестнице. Потерянная информация была страшной, от неё зависело не только его будущее, от неё зависела его жизнь. Ему нужно сделать всё возможное и невозможное, чтобы её уничтожить. Ему просто не позволят остановиться.

Он измучился, гадая, где и у кого смертельная для него информация. Если бы его шантажировали, он бы предпринял ответные действия, включился бы в борьбу, он это умел и любил и предпочёл бы определённую неизвестности.

Ему звонили, ему писали электронные письма, но тот, в чьих руках сейчас была его жизнь, молчал.

Тридцатое сентября, понедельник

Ехать на конференцию Глебу Бородину не хотелось. Он понимал, что надо, докладывать ему было о чём, разработанная фирмой система опережала даже мировые аналоги. И новые знакомства завести необходимо,

и в кулуарных разговорах поучаствовать тоже, да и просто развеяться после долгой тяжёлой работы, сменить обстановку, отдохнуть от усталых Катиных глаз.

Ехать надо, а не хотелось, даже думать о командировке было лень, и он старался не думать. Презентацию, правда, подготовил, но доклады и презентации у него всегда получались. Ира заказала билеты, позаботилась о гостинице, вызвала такси. Ехал бы Бородин один, без неё, о такси даже думать не стал бы, добрался бы на электричке, не беспокоясь о пробках. Ира электричек не признавала. Она и в метро никогда не спускалась, хотя при необходимости проехать две-три остановки в подземке куда как проще. Сначала Бородина её барство коробило, потом он привык, стал воспринимать его как данность.

Вообще-то на конференции Ирине делать было уж вовсе нечего, к разработке она никакого отношения не имела, и совместная поездка вызывала только ненужные толки у сослуживцев.

— Глеб, спускайся, машина ждёт, — сообщила Ирина по внутреннему телефону.

Бородин послушно выключил компьютер, внимательно осмотрел кабинет напоследок, проверил, выключен ли свет, и, подхватив дорожную сумку с парой запасного белья, запер дверь.

После долгих дождливых дней солнце светило всюю, как летом, и напоминало почему-то не осень, а раннюю весну, когда земля и город преобразаются на глазах, вместо остатков грязного снега на газонах появляются молодая трава и какие-то жёлтые цветочки, которые всегда вылезают первыми, даже раньше листьев на деревьях. Катя всегда радовалась цветочкам, собирала чахлые букетики и подносила к носу, хотя цветы совсем не пахли.

Ира ждала около новенького «Форда Фокуса» с чёрными шашечками на жёлтом фоне на крыше и номером телефона на боках. Бородину хотелось сесть рядом с водителем, но спутница потянула его за рукав, и он послушно уселся рядом с ней сзади.

— Здравствуйте, — кивнул Глеб молодому кавказцу за рулём, глядя на него в зеркало.

— Едем, едем, — поторопила водителя Ирина. — Господи, Глеб, даже не верится, что мы будем вместе целую неделю! Ты рад?

Он молча кивнул, стараясь не морщиться. Он терпеть не мог прилюдного выражения чувств и постарался отодвинуться, когда Ира осторожно прислонилась лбом к его плечу.

— Красота какая! Ты только посмотри, какое солнце! Глеб, ну посмотри! Чудо просто!

Когда-то её восторженность его умиляла. Тогда он ещё не догадывался, что она умело прячет за ней нешуточные цинизм и жестокость. Впрочем, цинизма и жестокости она при нём никогда не проявляла, и почему он приписывает их Ирине, Бородин сам не понимал. Не так давно она казалась ему ребёнком-несмышлёнышем, не вполне понимающим последствия своих поступков, теперь он был уверен, что она очень расчётлива.

— Ой! — вспомнила Ирина. — Остановите! Притормозите перед переходом!

Бородин опять с трудом заставил себя не поморщиться, всё-таки с водителем следовало вести себя повежливее, «пожалуйста» сказать, что ли.

— Забыла купить сигареты, — объяснила Ирина, выскальзывая из машины.

Место для остановки она выбрала крайне неудачное. Его дом находился в нескольких шагах, и именно в это время Катя проходила здесь по дороге в поликлинику.

Конечно, ничего страшного не произойдёт, если жена увидит его с коллегой, но всё-таки встречи этих двух женщин он не хотел и даже боялся.

Ирина подошла к киоску, он посмотрел на переключившийся светофор, а потом на парочку, остановившуюся посреди тротуара. Парочка целовалась. Руки молодого человека закрывали плечи и голову девушки, из-под них виднелись только тёмные кудри, как у его жены.

Солнце скрылось, опять стал накрапывать дождь.

Ирина отошла от киоска, посмотрела на целующихся.

Парень в последний раз наклонился к девушке и исчез в толпе переходивших дорогу людей. Девушка посмотрела ему вслед, тряхнула кудрями, подняла капюшон серой, как у Кати, ветровки, поправила на плече сумку и, не оглядываясь, зашагала в сторону поликлиники. В сторону Катиной работы.

Бородин понимал, что это не жена. Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. К тому же девушка ниже Кати и двигалась иначе.

Его мог обмануть кто угодно, только не Катя. Это он её обманывал.

— Гле-еб, — тихо прошептала Ирина, усаживаясь рядом. — Ты боишься, что нас увидит твоя жена, да?

— Что?! — прошипел он. — При чём тут моя жена?

Она смотрела на него сочувственно и с жалостью и почему-то вызвала у него такое отвращение, что он отвернулся, чтобы её не видеть.

— Пожалуйста, поехали, — попросил он водителя. — Мы можем опоздать.

Солнце скрылось, грязные лужи на асфальте перестали сиять радостным весёлым блеском. Бородин достал телефон, набрал Катю, чего никогда не делал при

Ирине. Абонент был недоступен, естественно. Жена всегда отключала телефон, когда вела приём больных.

— Глеб, мимо машины почти никто не проходил. Ты бы первый заметил свою жену. Её не было поблизости.

— Ира, откуда ты знаешь мою жену? — спросил он, не поворачивая головы. — Ты же никогда её не видела.

Она постыдилась признаться, что его жену она видела сотню раз. Пряталась в машине и смотрела, как счастливая парочка Бородиных проводит выходной день. Гуляет в парке, например.

— Я её видела, — вздохнула Ирина. — Она встречала тебя около института.

Такое могло быть, Катя иногда встречала его после работы. Правда, это было давно. Считай, в другой жизни.

Находиться в клинике было легче. Аркадий Львович осматривал больных, выслушивал коллег, просматривал записи историй болезни и на какое-то время забывал, что Ольги больше нет. Потом вспоминал и удивлялся, что все вокруг не замечают — он сам умер вместе с Ольгой. Конечно, коллеги ему сочувствовали, старались не улыбаться в его присутствии, говорили негромко и всем своим видом выражали готовность немедленно услужить. Его прежнего это здорово бы раздражало, но он не был прежним, он стал мёртвым, и ему теперь наплевать на коллег.

Тяжёлых больных в отделении не оказалось, и это было плохо, потому что, отвлекаясь от рутины неотложных дел, он не видел перед собой ничего, кроме мёртвого лица жены. Иногда ему казалось, что, если бы не тайна, которую он знает, и не необходимость что-то

делать с этой тайной, он совершил бы самый малодушный в жизни любого мужчины поступок — напился бы снотворного и успокоился рядом с Ольгой.

Жену привезли, когда он выходил из операционной. Он тогда не то чтобы не понял, что женщина на каталке его Ольга, просто не сразу это осознал. Пытался нащупать пульс, как пытался бы нащупать его у любой другой больной, и понимал, что пульса нет и всё бесполезно. Реаниматологи, конечно, пытались что-то предпринять, но все понимали, что сделать ничего нельзя.

Потом какие-то люди из полиции говорили ему, что машину, убившую его жену, нашли брошенной в соседнем дворе, и пытались выяснить, мог ли кто-то намеренно её сбить, а он называл такое предположение бредом.

Ей не просто желали смерти, её убили, и Аркадий Львович знал кто. То есть того, кто сидел за рулём, он не знал, конечно, да ему было всё равно, кто совершил наезд, он знал главное — почему погибла Ольга.

Теперь ему предстояло принять решение.

Здание поликлиники охранялось, но всё равно идти по опустевшему по причине позднего времени коридору было неприятно. Кате вообще было не по себе с тех пор, как она увидела падающую на асфальт Ольгу. Она подбежала к своей медсестре первой и сразу поняла, что травмы едва ли совместимы с жизнью, всё-таки общее медицинское образование у неё есть, хоть она и офтальмолог.

Несколько дней назад Ольга принесла в кабинет ноутбук.

— Я оставлю его ненадолго, — попросила она Катю.

— Оставляй, конечно, — разрешила та.

Ноутбук необходимо вернуть Аркадию Львовичу. Сегодня Катя специально захватила из дома большую сумку, и сейчас она заметно оттягивала её руку.

Выйдя на улицу, Катя постаралась не смотреть на пешеходную зебру, которую не пожелал заметить Ольгин убийца, и всё-таки посмотрела. В тот проклятый день Ольга окликнула её через улицу, махала рукой и спешила к ней, но откуда появилась машина, Катя не видела. В тот момент она не видела ничего, кроме взлетевшего вверх и со стуком упавшего тела.

Работать без Ольги было непривычно и тоскливо. Катя поправила на плече ремень тяжёлой сумки, шагнула с крыльца поликлиники.

— Екатерина Фёдоровна!

Катя повертела головой и не сразу узнала сегодняшнего пациента — Бориса Михайловича Корсакова. Борис Михайлович улыбался ей, стоя у серой машины с букетом белых роз. Розы были хороши, машина тоже. В марках автомобилей Катя не слишком разбиралась, но что иномарка дорогая, понять оказалось нетрудно.

Пациент был занятный, Катя таких за все годы работы в поликлинике не встречала ни разу — редкий в наше время человек со стопроцентным зрением.

— Зрение решил проверить, — объяснил ей в кабинете Борис Михайлович.

— Похвально, — справедливо заметила Катя, а про себя подумала, что жизнь у нас какая-то неправильная, если вполне естественное желание здорового мужика следить за своим здоровьем кажется не вполне нормальным, особенно если учесть, что очереди к ней в кабинет в районной поликлинике впечатляют.

И не лень ему было в очереди сидеть, подумала Катя,

глядя на дорогущую иномарку. На бедного он не похож, вполне мог бы в платную клинику сходить.

— Это вам, Екатерина Фёдоровна, — шагнул к ней Корсаков.

Пациент не уступал ни розам, ни машине. Красавец, такому только в сериале сниматься, домохозяйки от экрана не оторвутся.

— Я назначала вам свидание? — зло спросила Катя. Зря она так, парень, кажется, обиделся.

Впрочем, какое ей дело до господина Корсакова? Ей бы со своими проблемами разобраться.

Она бы умерла от счастья, если бы Глеб встретил её после работы с букетом роз.

— Нет, — покачал головой красавец Борис Михайлович. — Я вот... на свой страх и риск.

— Зря, — кинула Катя.

— Ну... Возьмите, не выбрасывать же, — сокрушённо развёл он свободной от роз рукой.

— Борис Михайлович, букет я возьму, не выбрасывать же в самом деле, но... — Катя покосилась на белую пешеходную зебру, на которой уже не было Ольгиной крови. — Я не ищу любовных приключений, это понятно?

— Понятно, — усмехнулся Корсаков, протягивая ей букет. — Я учту. А довезти до дома вас можно?

— А вот довезти до дома можно, — решила Катя. Сумка действительно оттягивала руку.

Пусть везёт, если ему охота.

— Я живу совсем рядом, — сказала она.

— Жаль.

— Вы влюбились в меня с первого взгляда? — усмехнулась Катя, садясь в машину.

— Нет, — признался Корсаков, усаживаясь на водительское сиденье. — Но... заинтересовался.

— Честно, — похвалила она.

К счастью, разговорами Корсаков больше не надоедал, высадил её у подъезда, кивнул на прощанье и уехал.

Вечер выдался чудесный, тёплый, осень опомнилась, начала радовать запоздалым бабьим летом. Таким вечером хорошо бродить где-нибудь по Замоскворечью, раньше они с Глебом часто гуляли по Москве. Потом перестали.

— Катя! — На лавочке с крошечной чихуа-хуа Чапой сидела Лена из дома напротив. Она всегда гуляла с собачкой, сидя на лавочке. Чапа топтался у её ног, пытается забраться к хозяйке на колени.

Катя познакомилась с соседкой случайно. Года два назад Лена, неудачно паркуясь, легко толкнула машину Глеба, при этом испугавшись и расстроившись больше, чем сам хозяин, всегда философски легко относившийся к любым бытовым неурядицам. Потом Лена долго извинялась, встречаясь с Глебом и Катей, и всё пыталась их отблагодарить за то, что не стали вызывать гаишников. Глеб злился, а Катя незаметно с соседкой подружилась. Пожалуй, не будь Ольги, она считала бы Лену ближайшей подругой. Впрочем, Катя никогда не задумывалась над тем, кем ей приходится Ольга. То есть приходилась.

— Привет! — Катя с букетом и ноутбуком в сумке пристроилась рядом с соседкой. Теперь Чапа попытался забраться на колени к ней, и она погладила его по голове.

— Поклонник появился? — кивнула на букет Лена.

— Пациент. В смысле, на приём ко мне сегодня приходил.

— И что у него с глазами?

— Всё в порядке у него с глазами. Всем бы такие.

— А чего тогда приходил?